

Дикий сассафрас, или Дело на предъявителя*

Один из героев по прихоти случая обнаруживает сундук с архивом, содержащим весьма странную и, судя по всему, крайне секретную переписку между множеством людей и организаций, вращающуюся вокруг поиска некоей таинственной персоны, затерявшейся в дебрях отечественной истории. Первая дата на документе совпадает с днем падения Тунгусского метеорита, последняя — с окончанием XX века. Вся подшивка испещрена комментариями работников спецслужб разных лет.

Свиты Его Величества Императора Всея Руси Генерал-майору Жерново

(Берлин, 8-е юлианское,

а по григорианскому календарю 21-е июня 1914 года)

Милостивый государь!

Воспользуйтесь первой же возможностью, дабы уведомить Ваш генералитет и самого Императора, что войны не миновать.

За сим пребываю Вашим давним должником с той самой поры, как, застигнутые вьюгой на почтовой станции между Псковом и Нарвой, сыграли мы в клапштрасс три ночи кряду поздним декабрем 1899 года, сразу по возвращении из Африки с нового театра военных действий голландских фермеров Трансвааля и Оранжевого Свободного Штата против британских войск в Натале и Капской колонии, где нам с Вами, простым соглядатаям, тоже было чуть не перепало под горячую руку. Но в тот раз обошлось. А в клапштрасс я, напомним, продулся Вам вчистую.

Без всякой надежды на реванш.

Искренне Ваш,

Йюрген Дюбингофф

Генерал-адъютанту Мерзопакову

(Ганновер, 9-е юлианское,

а по папе Григорию XIII 22-е июня 1914 года)

Ваше превосходительство!

Потрудитесь, не привлекая к себе излишне внимания, поставить в известность знакомых Вам умных офицеров (должны быть и такие и у Вас,

*Отрывок из романа, сокращен специально для альманаха.

и даже при генштабе) о том, что кайзер вознамерился напасть всенепременно, невзирая ни на что, как в добром, так и в худом смысле этого слова.

За сим остаюсь Вашим неизбывным должником с того самого мартовского ненастья 1900 года, заставшего нас врасплох на станции между Вышним Волочком и Нижним Новгородом, где сели мы с Вами в пульку да на недельку аж почти до самой Пасхи, когда развиднелось. А воротились мы с Вами оба как раз тогда напрямик из мучительного зноя Африканского континента, где имели честь наблюдать блистательные действия генерала Френча по снятию бурской осады с Кимберли, а двумя днями позже неудачу Китченера при Паардеберге, где британцы потеряли, если мне память не изменяет, 320 человек одними только убитыми и еще 942 ранеными. Помните? В тот раз нам, членам научной экспедиции Российско-Германского Топографического Общества, случайно сбившимся в вельде с маршрута, удалось ретироваться с места битвы без особых потерь. А вот под Волочком, сударь, ободрали Вы меня, как липку. А отыгаться когда-либо уповать как прежде не смел, так и ныне не смею.

С глубоким почтением,

Ваш Йюрген фон Дюбингофф

Флигель-адъютанту полковнику Чудомыселю (Филиппу Филипповичу)

(Мюнхен, 10-е,

а на самом деле уже 23-е июня 1914 года)

Чсть имею, а также товарищеское удовольствие, в сих строках, старый служака, приветствовать тебя наконец после стольких лет тягостной разлуки.

Здравствуй, Филипп Филиппыч!

Наслышан, брат, наслышан о твоих успехах при дворе. Всегда в тебя верил, если помнишь. Коль хочешь знать мою опинию*, то спешу выска-

*Начальнику Второй Линии 12-го Имперского Управления генералу от кавалерии Его Сиятельству князю Харитонищеву-Рейтузову Хрисанфу Харисимовичу. Специально для Вас, Ваше Сиятельство, спешу растолковать, что, по всей видимости, старый шулер гундосит это словцо здесь в значении "мнение, соображение, взгляд на вещи" — от английского, надо полагать, *opinion*. (Экспликат оформил собственноручно семнадцатого юлианского числа месяца июня 1914 года Особый Распорядитель Департамента Почтового Надзора при Второй Линии Двенадцатого Имперского Управления действительный статский советник Афонарелов Е.М.) (В свою очередь спешу разъяснить Вам, Ваше Сиятельство, слово экспликат, к месту или не к месту, не мне судить, ввернутое тут моим непосредственным начальником, тираном и цербером, господином Афонареловым Еремеем Марковичем. И до каких только пор такое будет иметь место, что статские, пусть даже и в чинах своих немалых (но статских!), ставятся во главе нас, людей военных и доблест-

заться тут в пользу утверждения, что именно флигель-адъютанту, полковнику, а не какому-нибудь, как может показаться, свитскому генерал-майору или даже генерал-адъютанту, сподручнее вести тонко и настойчиво свою партию как в главной дворцовой кадрили, так и в прочих котильонах и мазурках.

От души тебя, Филипп, поздравляю. Однако ж обращение мое к тебе тут не столько, брат, партикулярное, сколько за великой политической надобностью. Знать, пробил час. Постараюсь быть краток.

Злые языки, представь, судачат обо мне всякое. Многие полагают, что слуга Ваш покорный будто бы шпион вероломный на жаловании сразу у нескольких крупных европейских монархий. Однако хочу, Филипп Филиппыч, предостеречь тебя от поспешных выводов с недоразумениями. А вместо этого ты послушай: недвусмысленно тут тебя, дорогой, заверяю, что слухи сии под собою имеют не больше основания, чем, скажем, голословное утверждение, будто, возьмем для примера, красавица твоя супруга Шарлотта, образец всего на свете, чего только может желать себе и другим светская дама тридцати двух лет от роду замужем за таким царедворцем двадцатого века, как ты, Филипп Филиппыч, якшается вдруг, не дай Бог, тайком по ночам с князем Караваджичем, этим Балканским повесой и интриганом, и целью своей такие, вообразим, рандеву tête-a-tête несут не только, я бы сказал, политический многосложный резонанс, но также, и может статься, в первую голову, споспешество негам запретным и плотским утехам. Слухи они, сам понимаешь, слухи и есть, и грош им цена, если разобраться. А вот уж, коли, брат, разобравшись, получаем подобным слухам матерьяльные обоснования и к ним предметы достоверности, облеченные в форму, скажем, собственноручных посланий узнаваемым почерком, фамильных драгоценностей, якобы, утерянных, а тут они тут как тут, свидетельств очевидцев, случайных и подосланных, и даже, представить только! четких, ярких дагерротипов неоспоримого свойства и весьма скабрёзного наклонения, так тогда, конечно, Филипп, с помощью вот та-

ных, на чины невзирая. Ваше Сиятельство, Вы уж на меня не сердчайте, что я тут, грешным делом, поворчать себя позволяю — спишите на молодость, на служебное рвение, на должностную ретивость, а так, разумеется, я, будьте уверены, глубоко проникнут осознанием всей важности такой нелепой субординации в частности и всего масштаба миссии нашего Департамента в целом. Аминь). Слово от лат. *explicitum* — данные, уточняющие содержание понятия. Так я полагаю. А вообще, положи руку на сердце, Ваше Сиятельство, давайте признаем тот нелицеприятный факт, что отвечать за действия действительно статского советника, каким бы он ни был, пусть даже, как в данном случае, Афонареловым, Ваш покорный слуга не берется, ибо чином не вышел. За сим остаюсь преданным Вашим протезе поручиком Зарындой).

кого вот арсенала довлеющих аргументов вольны уж мы составить нужную опинию как себе, так и любому обществу. Поэтому все, что тебе обо мне говорят, не спеши, ради всего святого, давать этому простор в своей могучей, светлейшей государственной голове. Помяни мое слово, быть тебе еще первым министром, если не облапошишься. И притом в самом скором времени.

А я, Филя, не шпион, нет. Я лишь ревностно блюду традиции моего знатного рода. А мы, прусские дворяне, всегда верой и правдой, не жалея сил и живота своего, радели на службе у Российской короны, и не пристало нам менять сию славную колею в годину грядущих испытаний, в какой бы стороне и на службе какого императора они бы, испытания эти, не достигли нас ныне ни де юре, ни де факто, ни как ты себе еще только можешь вообразить! Свят-свят!

И вот с чем я к тебе, Филипп Филиппыч. Буду краток.

Видится мне, обладаешь ты к настоящему историческому моменту умом, тактом и влиянием при дворе как раз в той необходимой пропорции, чтоб послужить нынче праведному делу укрепления оборонной мощи Российской Империи, а вместе с нею и всего богоугодного братства.* Так что хочу просить тебя употребить все свои выше мною перечисленные свойства личности во благо постановки ниже мною поименованных фигур государства в доверительную известность о том, что на носу у нас ратное дело размаха невиданного и, коль скоро хотим уберечь хоть сколько-нибудь от культуры достигнутой, то и позаботиться следует уже немедля о должных предуготовлениях.

Итак, вот тебе от меня рупь, Филипп, за сто, что Кайзер вот-вот на Вас набрушится всем, каким есть, натиском нашего славного и могучего германского войска. Уже можете трубить сбор, не ошибетесь. А мне от тебя за это причитается самая малость, не сочти за труд, выведать и донести с первой оказией такую вот ерунду, а именно, кто таков и где располагается некто г-н Лебединец и его канцелярия. Только и всего. И ничего больше. Ну, разве что, если что, хорошо бы было присовокупить еще уточнение касательно того, кому и на чье имя, году эдак так в одна тыща девятьсот, думаю, восьмом от Рождества, разумеется, Христова, не раньше, думаю, но и никак не позже, в месяце, полагаю, приблизительно июне, числа эдак так, ду-

*Уж не масон ли будет из розенкрейцеровских сей пройдоха, Ваше Сиятельство?! А? Наше дело, разумеется, только приворотить бдительность к подозрительному пассажиру, а уж установить, как оно на самом деле, или же оставить все, как есть, — решать не нам, а Вам, ибо сие суть за пределами Почтового Надзора, потому умолкаю. С уважением, д.с.с. Афонарелов. (17/30.06.1914)

маю, тридцатого на рассвете выдан им, господином этим, документ весьма необычного толка, свойства, рода, характера и т. д. и т. п. и всяк. так. и проч. Большого, поверь, Филипп Филиппыч, и сам не знаю, не ведаю. А знал бы, так и что толку? Все равно не выдал бы. Веришь? Вот такая незадача. Попробуешься? Надо, чтоб получилось. Разумей, как хочешь. Хотя, по секрету скажу, что сам, грешным делом, уразумеваю сие с трудом превеликим, и это при максимальном и неравномерном напряжении всех своих недюжинных международных сил и амбиций. Ну, да ладно.

А в тебя я верю. За сим остаюсь верным твоим должником аж с той самой поры, когда застряли мы с тобой на охоте в майскую распутицу 1902 года на станции Хрясь между Екатеринбургом и Иркутском и шесть дней кряду, оба два холостые-неженатые, резались в винт. Помнишь? Мы как раз в ту пору воротились из Капской колонии, где выпало нам наблюдать последний в той войне позор британцев на Рождество при Твифонтейне, а потом почти сразу, уже в конце января, их удачу, когда они схватили этого косматого командира бургских командос* Бернара Вильена, помнишь? а потом уже в апреле и последнее сражение той войны в Западном Трансваале у поселка Родеваль, когда горстка буров, прижатая к блокадам вдоль железной дороги, бросилась в кавалерийскую атаку по открытому вельду, ведя огонь с седла, и, разумеется, была вся уничтожена до единого человека невообразимо многочисленным свинцом из "Максимов" и пушек Гатлинга. Да и где б вообще в ту войну были бриты без этого Гатлинга! Помнишь? А в винт под Иркутском разгромил ты меня, Филипп Филиппыч, просто, как наивного простофилю, в пух и прах. Скажи, брат, а ты, часом, не шулер? Шучу. На правах старого и проверенного

*Т. майору Брынзе. Да, товарищ майор, не удивляйтесь, именно так! И сие не поздняя приписка, а самое что ни на есть аутентичное документирование. А уж Дюбингофф, как за ним и водится, доподлинно знает, о чем говорит. Да, представьте, именно буры, эти свободные пахари Зулусских земель, изобрели сие словечко на рубеже веков в том самом значении, в каком теперь его модно вворачивать к месту и не к месту. Как по мне, так, ясное дело, спецназ куда благозвучней. Спецназ нашему менталитету подходящ, а командос ему вычурен. Но тем не менее. Я тут в каземате 606 при исполнении и потому обязан трактовать все, что запримечу, невзирая на собственные приоритеты. Трактую. Скорее всего, слово это на их африканском голландском к тому времени означало отряд, сплоченный против британцев и, соответственно, члена (членов) такого отряда. То есть, у нас в языке синонимом ему было бы слово "ополченец", "ополченцы", "ополчение". Вот такие командосы. И кстати концлагеря тоже в ту войну они придумали, только уже не буры для себя, а англичане против буров. Так что и тут Владимир Ильич не был первым. Это к слову, чтоб потом зря, если где мелькнет, время не тратить. Доложил в 3-м Поиске дежурный офицер Особой Группы Расследования *Дела на Предьявителя (ОГРДНП)* при *Отделе Поручений Малой Вероятности* (ОПМВ) Государственного Резерва Особого Умысла (ГРОУ) капитан (опять) Луноходько А.П. (Государев Лабиринт, каземат 606, 23-е февраля 1990 года, 12.00)

друга и родственника. А теперь серьезно. Остаюсь твоим вечным должником. Жду скорого ответа.

Искренне Ваш,

Йюрген Хуго фон Дюбингофф

P.S. А Шарлотточке привет от Гвендолин. Да ст Бог, свидимся.

Г-же Папудо Ифигении Зоилловне

(письмо в Одессу от подружки)

(Киев, 17-е по юлианскому,

а по григорианскому календарю 30-е июня 1914 года)

Фифочка! Милая Фифа!

Вы представляете, его таки ухондокали.

Уму непостижимо.

И это в шестую годовщину Тунгусского метеорита!

Вот вам и Сараево. Не пешехода среди прочих, а самого эрцгерцога на авто! Ах, эти мне европейские столицы, им все нипочем, для них нету авторитетов. Совсем не то, что у нас. Взять хотя бы тут, в Киеве. Прародитель, Фифочка, всех городов, какие только есть по всей Руси нашей, имя носит не кого-нибудь, а самого Кия, — Кий! да братья ему Щек да Хорив, а сестрица им Лебедь, — все не хуже, чем у Рима, лучше, чем у него, а трясется, елки-палки, над всяким своим статским советником. Обидно. Хотя и в Санкт-Петербурге, как мы с Вами помним, и на Москве ничуть не лучше. Но от этого нисколько не легче. Совсем не то, что в Европе. А помните, душа моя, как мы путешествовали по Боснии и Герцеговине в 1908-м сразу после аннексии? Конечно же, помните. Граф Чернин, от новой канцелярии эрцгерцога при его дворце, фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф, граф Застенич; тогда же мы с Вами впервые представлены были герцогине Гогенберг, урожденной графинюшке Софии Хотек. Разве такое забудется. Как гостили у Караваджичей. Какие же там красоты! Какие горы, какие реки, озера, деревья, кусты и цветы. А какие звезды! А какие были в тот год персики, Вы помните? Вот пишу, а во рту мокро делается. Велю собрать мне сейчас фруктовый ленч сюда в библиотеку, а после продолжу. Кстати, Фифа, Вы помните мою экономку Клару Васильевну? Представьте, вышла замуж за итальянца и теперь обитает где-то в Альпах в Швейцарии, в родовом имении супруга. Чудны дела Твои, Господи. Вы согласны? А Клара мне пишет, умница. Не забывает. Вам, Фифа, надо непременно прочесть — увлекательнейшие записки! Ну, все. Слона заливает. Продолжу после.

.....

Продолжаю. А скажите, Фифочка, на милость, а Софи-то за что пострадала?! Уж какая была дама замечательная, Вы помните? Бельведерский дворец в Вене, прием по случаю тезоименитства, это все в том же 1908-м, все после той же аннексии. А чье тезоименитство? Я, признаться, уже не уверена. Сдается, самого Франца-Фердинанда. Но тогда это должно быть где-то в конце декабря, или в середине, а я не помню, чтоб декабрь был. На нас с Вами наряды от франко-австрийца Беркюлье-Гошиндера, — их нам только доставили накануне, и мы примеряем, кажется, в Ваших апартаментах при торговой миссии. Или в моих при посольстве? На вас, помнится, небесно-голубой атлас, а на мне цвета спелой вишни, помните? Вы еще подтрунивали, что чуть ко мне прикоснись, так я тут же брызну. Мы так хохотали, что у меня наступила икота. Дело давнее, Фифочка, а скажите теперь по совести, Вы ведь вовсе не цвет наряда, а мое естество дразнили терпким юмором своим, ведь правда? И как Вы только знать могли, милая Фифа, — мы ведь не были тогда еще с Вами друг для дружки такими наперсницами, как теперь, — что Яков мой Платонович ко мне в будуар уже год не заходит, ну, как? Вообще, положи руку на сердце, должна Вам признаться, что никогда в жизни своей не встречала таких женщин, как Вы. О Вас мыслю непрестанно. Вами хоронюсь от обид мира сего. Какая же Вы, Фифочка, особенная умница. И как Вы только можете терпеть нас, таких тугих на ум, таких несовершенных ни словом, ни делом! Но прошу Вас, не отворачивайтесь. Я для Вас на все готова. Но приехать пока не предвидится. Яков Платонович, государев человек, много занят.

Так скажите же, родная моя, за что София-то смерть приняла?! Только не подумайте, я далека от мысли, что эрцгерцогу, мол, поделом, нет, конечно. Но только он мужчина, а они знают, на что идут. А Софи мне жалко так, что сердце пока не приемлет вовсе прискорбную весть сию о кончине ее, княгини Гогенберг, от пули прыщавого террориста. Одной единственной пули! Какие мы, женщины, хрупкие. Просто жуть берет! Правда, эрцгерцогу тоже хватило всего одной. Ну, а чем они, мужчины, нас лучше! Верно? Мы, думаю, даже крепче будем, повыносливей. Вы как, Фифа, полагаете? Но вот бедная Софи не убереглась. А может быть, Фифа, она его собою заслонила в умышенном порыве? Как думаете? Влекомая на подвиг. Могла? Ах, что за женщина! Нет, не подумайте, Фифочка, что меня лично прельщает такая участь. Я бы Яков Платоновича собою, думаю, закрыть от пули б не порывалась. Такого излишества души, Фифа,

в себе не предполагаю. Но причем тут я? И причем тут Яков Платоныч? Зачем его сюда? Он сам по себе хорош. Правильно? Чина его ему на все про все вполне достает, и палец ему в рот не клади. У нас с ним в последние годы сложились свои особые, я бы назвала их авангардными, отношения. И надо сказать, Фифа, что при всей своей эксцентричности и далекости от воспетого нашими классиками идеала, отношения эти во многом хороши и удобны в ежедневном своем отправлении. В чем именно состоит их оторванность от романтических образцов, Вы, Фифочка, во многом догадываетесь. Вы такая прозорливая! Я же приберегу подробности для следующего письма. А это пусть будет всецело отдано скорби по погибшему из рода Габсбургов и его возлюбленной морганатической* супруге. Пусть? Да, и вот я думаю, пока пишу, что, пожалуй, при известных обстоятельствах, может статься, и я бы вдруг заслонила б собою моего Яков Платоновича, а что? Всяко ведь случается, к чему зарекаться. Мы, слабый пол, Фифа, подчас столь непредсказуемы, Вы согласны?

И сколько ж несчастной княгине Софии Гогенберг было на момент расставания с этим миром? А сейчас посчитаем. Уродилась чешская графиня Хотек и Вогнин, если мне не изменяет память, а она мне теперь почти никогда опять не изменяет, в одна тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году, ровно век спустя после первого все в той же Вене оперного триумфа двенадцатилетнего Моцарта с его "Бастьеном и Бастьенной", поданными в доме за номером 261 (помните, мы навещались туда в Вашем экипаже?) по Загородной улице, в этом маленьком Версале, принадлежавшем незабвенному Франсуа Антону Месмеру, да, веком позже, семь лет спустя после отмены у нас крепостного права и четырьмя годами позднее завершения в Соединенных Штатах кровопролитной гражданской войны между Севером и Югом за свободу американских негров. Стало быть, в прошлом веке княгинюшке успелось тридцать два годика, плюс в нынешнем десять — сорок два, плюс еще четыре — шесть, сорок шесть. Всего сорок шесть годков. Многие скажут, что для женщины это и так

*Тов. подполковнику Междувзездову Т.Т. Товарищ полковник! Спешу доложить на тот случай, если Вы не совсем уверены, помните ли Вы правильно значение этого слова, и это Вас раздражает, а читать дальше хочется, так вот я беседовал вчера у себя в кабинете сутки напролет с глазу на глаз с тов. Н.У. Хотубейко, нашим архивариусом, и он настойчиво утверждает, что морганатическим называется брак лица царствующего дома и женщины не царского рода. Такой брак не дает прав престолонаследия ни жене, ни детям. Так что вот. За что купил, за то и продаю. И это все, что мне удалось выяснить к этому часу. Рапортовал старший лейтенант Министерства Глубокого Бурения (то есть, пардон, это я по старинке, сильна привычка! но вымарывать не с руки здесь) Комитета Государственного Базирования Бодрыкин А.К. Обеспечил ретивость и удостоверил правдивость капитан КГБ Холодец П.М. (21-е августа 1968 года)

ого-го. Но мы-то с Вами, милая Фифи, думаем-то как раз совсем иначе. Мы-то с Вами точно знаем, что это как раз только-только, можно сказать, в самом что ни на есть соку. Поддерживаете? И вот ее уже нет. А еще третьего дня она еще дышала, смеялась, ступала грациозно, любила телом и душою, целовала детей, наряжалась в свои умопомрачительные шляпы, я больше таких ни на ком не видала. Вы помните ее шляпы, Фифочка? Глупый вопрос, правда? Это ж кем надо быть, чтобы их не помнить!

И вот ее уже нет.

Как быстро теперь несутся вести. Еще каких-нибудь лет десять-двадцать тому мы б узнали о таком несчастье ну никак не ранее завтрашнего дня, Вы согласны? А нынче их, сердешных, почитай, еще и не схоронили, а мы уже тут, видите, всю себя судачим, хотя и обитаем, почитай, с вами в тысяче верстах от того рокового места. Между прочим, улица, где их лишили жизни, называется, Вы думали б, как? Стойте, не падайте — Франца-Иосифа! Ни дать, ни взять! Помяните мои слова, Ифигения, вот еще окажется, что не обошлось тут без этого гнусного старикашки. Это ж сколько ему уже? Семьдесят плюс четырнадцать — восемьдесят четыре! С ума сойти. И по правде сказать, у меня всегда такое было чувство, что старик не в себе. Вообще, думаю, императором быть нелегко, чего уж тут, ну, а с тех пор, как в восемьдесят девятом кронпринц Рудольф наложил на себя руки, старик и вовсе умом тронулся. Вы тоже, Фифа, так думаете? И вот уже четверть века прилагает, бедолага, мучительные усилия, чтобы об этом никто не догадался. Вам не кажется? Только не думайте, Бога ради, Фифа, что я Вам тут пересказываю то, во что меня посвятил Яков Платонович, вовсе нет. Супруг мой, конечно, не будем спорить, знатный эксперт по этой части, да и вообще мужчина блистательного ума и недоужинной эрудиции, но я и сама, знать, мать, Ифигения Зоилловна, давно уже тоже незаметно от других думать себе потихоньку научилась, а как же.

Правду говорят, чего со скуки не сделаешь. Наш русский бич, а я его во благо. Как думаете? А то Печорин с Онегиным, — ну, про Обломова я даже не говорю, — никак не примеры для подражания. Самцы, Фифа дорогая, на крутых поворотах истории, видится мне, как ни крути, а обречены. Да. Ибо они крепят мышцу и надувают грудь — так им, увы, положено по первичному замыслу разделения полов, — и оттого они косолапы и нерасторопны. Только поймите меня, Фифочка, верно. Прежде всего я имею в виду не их упорно-двигательные проявления, как то: дуэли, войны, мордобой, спины колом, подборание на людях живота и серьезные выражения лиц при любой беседе. Нет, ни в коем случае. Поймите, Фифа,

перво-наперво под заскорузлостью самцов мы тут понимаем их умственные построения, которые и приводят в свою очередь к проявлению во внешней реальности всего выше указанного. Мы же с Вами самки. Мы постигаем сердцем и приемлем мир почти целиком. Вот увидите, Фифа, обязательно в этом веке нам дано будет привнести в общий уклад свойственный нам с Вами гибкий напор потока вместо ныне царящей грубой режущей силы орала от супругов наших. Вы согласны? Простите меня, милый мой друг, что никогда прежде не вела с Вами таких разговоров. Пусть это прозвучит гротескно, но я дама стыдливая. Только не смейтесь, ради Бога. Вы, конечно, Фифа, знаете про меня очень много и в каком-то смысле больше меня самой. Но есть, мне кажется, такие стороны моего характера, о которых Вы, мой друг, даже не догадываетесь. Я права? Видите, и нынче волнуясь касательно Вашей оценки, как при первой нашей встрече в Венской опере, помните, давали, конечно же, "Волшебную флейту", а я, признаться, при всем моем восхищении Вольфгангом Амадеем не нахожу в этом произведении многих присущих Моцарту качеств, таких как легкость, азарт, остроумие и изящество при поражающей глубине общей гармонии, которая непонятно откуда и берется, в том-то весь и фокус, в том-то ее и прелесть нечакнущая, ведь правда, Фифа? так вот глубины, конечно же, во "Флейте" хоть отбавляй, там куда глаз ни кинь, где ухо не расставь, всяк и все глубже некуда, а, может статься, это и не глубина вовсе, а нечто иное, чему я глубину лишь приписываю, поскольку чувствую себя неловко оттого, что неспособна услышать в "Волшебной флейте", отыскать в ней то, что мне, по моему мнению, от Моцарта причитается, а я, увы, не способна, не слышу, не вижу, не нахожу, хотя и готова признать, что вполне может так статься, что в один прекрасный день и услышу и увижу, но пока что — нет, и неловко опять же от всего этого, однако ж, в тот вечер в Вене я готова была слушать все пресные арии подряд хоть до рассвета, потому что мы сидели в ложе рядышком между нашими мужьями, и наши платья соприкасались и издавали волшебный шорох, под стать ангельскому шепоту, и то притяжение, что я к Вам тогда вдруг испытала, его, наверное, никогда нельзя будет передать словами, но Вы меня должны понять и без слов, потому как, если в Вас тогда в тот миг не возникло того же, что и во мне тогда же и там же, так тогда зачем все это? а оно же все для чего-то, ведь так, ведь во всем сокрыт свой умысел, Вы согласны? а дышать мне было от общей моей растерянности, ну, совсем решительно невозможно, я ж была юна, как серна, и неопытна, как лань, вот я и не дышала, и только что в обморок не падала и страшно невыносимо ломала се-

бе голову, как, ну, как же мне к Вам подступиться, как преодолеть Вашу недоступность, которая в тот вечер составила у меня в моей кругом идущей юной головке как сплетенный конгломерат Вашего при Вашем Эпиктете Папудо положения в европейском свете, Вашей красоты повсюду, куда б Вы ни отправились, Вашей тогда уже громкой славы на ниве дипломатического флирта, Вашей у всех на устах образованности и Бог знает чего еще, что я, наверное, сама себе с перепугу насочиняла, да сюда же еще следует положить и чувство безграничной неловкости от того неодолимого, невесть откуда на меня нахлынувшего позыва к интимной близости с Вами, коего прежде мне, самке, никогда, ни за что к другой самке испытывать не доводилось, и что думать, как относиться к себе самой в связи с такой вот вдруг ни с того, ни с сего объявившейся напастью, в связи с такой вот тайной стороною моего естества, нежданно-негаданно отверзшейся в ложе Венской оперы 30-го июня 1908 года, уж и вовсе мне было невдомек, и вот все эти накладывающиеся друг на друга, как меха гармошки, неловкости и неясности вместе в конце концов меня все же одолели, и обморок со мною все ж, Вы знаете, приключился, и выходит, так Господь рассудил ко благу, потому как в противном случае, думаю, там бы я на месте и сгорела дотла, воспламенившись разом от центра своего основания до всяких моих кончиков: волос, ногтей, носа, сосков, пальчиков, языка и подбородка, — вот же, ей-же-ей, одним лишь краем пред нами всего выступают спутники жизни нашей, одним единственным выступом превосходят, да и то как сказать, а сколько из-за этого всякой канители, сколько по этому поводу неразберихи; потом обсудим непременно, дело, смею полагать, того все-таки стоит, вижу в нем перспективу, — и вот со мною обморок, а прихожу в себя, чувствую, глаза открываю, вижу, а Вы уже со мною, надо мной, и нету уже между нами никаких непосильных расстояний, *wie im Traum** а потоки воздушные от Вашего веера, как

*wie im Traum — (нем.) как во сне. Ваше превосходительство, обращаю Ваше сиятельное внимание на тот нюанс, что тут г-жа Милонегги имеет в виду не сон как одно из физиологических состояний человека, при котором он противоположен себе бодрствующему, и, как бы, ничего не делает, а на самом деле, как теперь уже, в результате последних научных достижений, доподлинно установлено, заряжается новыми силами для дальнейшего осуществления своей жизни, — в этом случае было бы сказано *wie im Schlaf*, то есть, как во сне, когда спишь, а г-жа Милонегги однозначно апеллирует к такому состоянию человеческого существа, когда оно, находясь во сне, видит сон и полагает, что все это не понарошку, а на самом деле, то есть, будучи *im Schlaf*, наблюдает на полном серьезе самый что ни на есть *Traum*. Улавливаете? Согласитесь, Ваше превосходительство, что теперь все стало на свои места и улеглось по полочкам, в противоположность тому, где оно все находилось еще минуту назад. И в этой связи опять же вызывает недоумение пассивность действительного статского советника г-на Афонарелова Е.М., коего разъяснять подобное чин обязывает да долг службы велит; нам же, нижестоящим, надлежит лишь приказы ис-

самые нежные, самые желанные дуновения Зефира, чьи прикосновения творят чудеса... Божественная воля золотого случая! Хвала Всевышнему. А Вам, Фифа, признательна буду по гроб жизни... Только не спрашивайте, что я при этом имею в виду. Мне и самой пока не совсем понятно.

А скажите честно, Вам Франц-Фердинанд тоже импонировал? Тоже тогда в 1908-м в Иллиде и в Сараево после аннексии, и у Караваджичей, и у себя в резиденции в Бельведерском дворце и до того, и потом, будил он в Вас, скажите, Фифа, как и во мне, нечто, что я назвала бы сегодня разнужданностью в мечтах, или во снах, как хотите, ведь в зрелых европейских языках и сны и мечты давным-давно объединены в одно слово, и границы между ними не проводится. Немецкое любимое *Traum*, французское *rêve*, английское *dream*. Никакого различия между мечтой и сновидением. Будил, Фифа? Будил? Не хотите, не отвечайте. И не сердитесь, если я в своем любопытстве перешагнула через рубеж дозволенного. Просто, знаете, это же впервые с нашего знакомства мы так надолго разлучены, и мне отвычно многое заново, я снова теряюсь, и, что ни говори, а сколько б мы с Вами, милая Фифа, ни дружили, ни миловались, а все ж, однако, я навсегда останусь Вашей служанкой, младшей Вам сестрицей Вами выпестованной, хотя, мы же обе понимаем, что разница между нами в возрасте — сущая безделица, и особенно теперь, когда нам уже ближе к сорока, ею и вовсе впору пренебречь, так что речь тут не о цифрах в календаре, а об

полнять в срок да не роптать понапрасну, а когда начальство молчит, как в подобной ситуации, и дверь кабинета на стук не открывает, так и приходится благородному офицеру действовать на свой страх и риск, как вот сегодня. Не подумайте, что я жалуюсь. Я за дело ратую. С глубоким к Вам уважением и низким поклоном Ваш протеже поручик Зарында. (17.06.14)

Тов. подполковнику Междузвездову Т.Т. Товарищ полковник! Обращает на себя внимание тот факт, что Зарында, будучи поручиком, сношается напрямую через голову своего непосредственного начальства, а именно, действительного статского советника, а это в пересчете на наши советские ранги по армейке — генерал-майор, а по гражданке что-то типа зам председателя совнархоза, никак не ниже, и вот через эту голову, товарищ полковник, какой-то поручик позволяет себе привлекать внимание генерала от инфантерии князя Харитонищева-Рейтузова Х.Х., о котором даже упоминается в Большой Советской Энциклопедии, а о поручике там ни полслова. И как же такое понимать прикажете?! Вопиющая несоразность в отправлении табели о рангах пусть и в предвоенной, пусть и в ослабленной коррупции и мучимой революционным движением, но все же еще Имперской России. Как офицер-аналитик выражаю мнение, что объяснить подобное одним лишь неистовым желанием молодого карьериста залезть начальству без мыла в жопу не получится. А точнее, товарищ полковник, получится, но в совершенно ином ракурсе. Впору видеть, что тут явно нечисто (без мыла же!) в том смысле, что, судя по всему, следует заподозрить наличие между старым князем и молодым поручиком неслужебных отношений. (Заподозрил и доложил старший лейтенант КГБ Бодрыкин А.К. Подкрепил подозрения капитан Министерства Глубокого Бурения (пардон, это по привычке) Комитета Государственного Базирования Холодец П.М. 21-е августа 1968 года).

иерархии отношений, и мне видится это вполне справедливым, хотя, признаться, и несколько смущает. "Но что поделать. Так жизнь устремлена, что всяк ее искус вызывает чувства подчас весьма противоречивые". Не стану приписывать себе понапрасну двух последних фраз. Взятые в кавычки суть изречение супруга моего Якова Платоновича, но такое, согласитесь, не грех за ним и повторить.

Яков Платонович оборудовал мне в канун Рождества во флигеле лабораторию. Я давно просила, но ведь было неясно, на каком мы свете, в смысле назначения. Над нами весь прошлый год висел Китай или даже Япония. Представляете? Представляете, Фифа, какой у них там в Иностранной Коллегии кавардак, если крупнейшего специалиста по Балканам и Австро-Венгрии норовят спровадить на другой конец земли к узкоглазым басурманам. Ну, что у нас за порядки! Мы, Фифа, честное слово, Орда да и только.

Мы, нет, Фифа, не Европа мы никакая.

Понятное дело, у Якова Платоновича, как у всякого человека дела при уме и чести, имеются повсюду свои недоброжелатели разнообразного калибра. Но ведь это ж, как бы, дело житейское, без этого ж нигде не обходится. Жизнь, как говорится, прожить, не поле перейти. Вы согласны, Фифа? Думаю, это не требует доказательств. Это ж трюизм да и только. Оно б-то все так, если бы только в нашем случае, — я не имею в виду частный случай назначения Якова, а в широком смысле всю Россию, — если б только в нашем российском воплощении интриги личных связей не заслоняли б собою подчас целиком и полностью профессиональные качества и державные интересы в самом высоком понимании этих слов. Но все в конце концов обошлось. Отбились мы от желтой расы. Я так говорю, мы, но это ж только я так говорю. Яков Платонович, конечно же, действовал самостоятельно и демонстрировал, как всегда, решительность и хладнокровие, а об уме его уж и упоминать ни к чему. Я, заметьте, Фифочка, как бы я за наш слабый пол ни ратовала, а напраслину возводить ни на кого не собираюсь. Не в моем это стиле. В чем муж силен и умел, в том ему и признание наше. Так вот, как только выяснилось наверное, что после стольких лет постоянных переездов — Вена, Париж, Белград, Прага, Афины, Братислава, Санкт-Петербург, Рим, Будапешт, Москва, Лондон, Мадрид, Вена, Лиссабон, Берлин, Париж, Вена, Париж, Вена, Киев, — мы можем наконец плотно осесть, и что Якову теперь назначение в совершенно новый и абсолютно секретный департамент, — только, Фифочка, ради

Всех Святых, это страшная тайна, — так сразу Яков мне и оборудовал во флигеле замечательную лабораторию.

Замечательная она, прежде всего, Фифа, тем, что мне в ней замечательно. Понимаете? Я ведь его давно просила. А так кому-то моя лаборатория может показаться местом весьма унылым, а, может быть, даже и жутковатым. Судите сами. Портъеры на окнах во флигеле, тяжелые и черные, у меня обычно задернуты, чтобы смена дня и ночи не отвлекала от проведения опытов. А светят мне в лаборатории газовые трубки. Слышали, Фифа, про такое новшество современного электричества? Свет у них такой, как на Луне, как в готическом романе, понимаете? И мне это страшно нравится, возбуждает по-особому, толкает к пытливости. У меня тут микроскопы и прочие штуки-дряки, и когда я с ними возжусь, то забываю про все на свете. Такой восторг переполняет, что могу подряд несколько дней и ночей без сна и еды. Представляете? Это я-то, которая, как Вы помните, всегда любила и поваляться подольше, и поесть вкусненько. Изучаю я тут, как полоумная, свойства нашего с Вами мозга и нервной системы. Пока на лягушках, на мышках, а там видно будет. Вы только, Фифа, не подумайте теперь мною брезговать — я всегда в белоснежном халате, шапочке и даже надеваю на лицо марлевую повязку. Так что я чистенькая. Я не пачкаюсь. Что же до лягушек с мышками, то они Вам, когда Вы приедете, обязательно тоже понравятся. И ничего в них нету такого, как многие думают. Мне их даже жалко бывает, но это у меня аматорское, я ведь самоучка. А хотите, Фифа, узнать, как я вдруг ни с того, ни с сего заинтересовалась особенностями нашей с Вами, как теперь принято говорить, психической сферы? Хотите? А вот как. Прочла как-то "Франкенштейна" во Франкфуртском издании, а не мне Вам говорить, что немецкий многое доносит совсем не так, как в иных языках, и порождает отклик вдруг в самых неожиданных, негаданных уголках нашего с Вами, как теперь принято говорить, подсознания. Вот. И совершенно случайно почти одновременно с "Франкенштейном" на немецком попалась мне на глаза крошечная заметка в какой-то малороссийской бульварной газетенке о том, что теперь у наших армий есть такой газ, который будет действовать на нервы противнику и его парализовывать и все такое. Что же это была за газетка? Ах, да! Помните, Фифочка, Вы мне еще осенью прислали малину перетертую? Вы такая внимательная! Я ж ее обожаю. А банки в той посылке были обложены одесскими газетами, чтоб в пути не побились. А Вы ж знаете, Фифа, я со скуки никаким чтением не брезгаю. И оно меня не портит, а даже наоборот, облагораживает. Вы согласны? Так вот в одной

из тех газеток, а это, теперь вспоминаю, был одесский "Прибой" от издателя Аполлона Кучмы, знаете такого? на последней страничке, — а я их все, конечно, расправила, скомканные особо не почитаешь, — говорилось об этом самом газе, и заметка, теперь помню, называлась на наш одесский манер "Понюхал и свободен". А вообще Вы заметили, Фифочка, какая у меня теперь память? Практически ничего больше не забываю. А если и забуду вдруг ненадолго, то сразу и вспомню. А раньше, помните, частенько многое от меня ускользало, и, если про что-нибудь из того впопугу думать, что и Бог с ним, то иное выскакивало из головы весьма некстати. Теперь с этим покончено. Спросите, как мне это удалось? Ответу: попался мне в руки опять же в немецком, кажется, в Гамбургском издании "Трактат об открытии "животного магнетизма" пера незабвенного Франсуа Антона Месмера, и я прочла его от корки до корки не один и не два, а, может быть, даже десять раз, и знаю его теперь почти наизусть, и с памятью у меня теперь, Фифочка, полный ажур. И вот так все одно к одному, а я и не думала упоминать тут Месмера, а собиралась ограничиться "Франкенштейном" и заметкой из одесского "Прибоя" о боевом газе нервического воздействия, но, раз уж Месмер сюда вклинился, то, конечно, будьте, Фифа, уверены, и без него, значит, не обошлось, и вот от всего этого составилось вдруг во мне неодолимое любопытство касательно того, как мы с Вами функционируем нашим мозгами и своими нервами. Вы удивлены? Будто сам высший дух постучал мне вдруг трижды в череп изнутри и дважды в грудь снаружи и сказал: "Иди и узнай". И я пошла, Фифа. Не судите. Ведь не надо быть семи пядей во лбу, а достаточно просто на полторы секунды задержаться мыслию, чтобы сперва сообразить, а после увериться в том, что мы про свой мозг и про свой разум не знаем ровным счетом ничего такого конкретного, что можно было бы при нужде употребить себе во благо. Ведь так? Пусто. Шиш обыкновенный, *kukisus vulgaris!** Или Вы, Фи-

*Свято верю, Ваше превосходительство, что слово *vulgaris* Вам и без нас ведомо. Что же до второго слова в этом обороте, то оно нигде не значится, а предполагать попусту нам, думаю, тут не пристало. Гадать негоже, знать надобно. Сей доклад оформил собственноручно семнадцатого же!!! в ночь по юлианскому на 18-е июня 1914 года. — благо перлюстрация производилась срочно, параллельно сочинению самого документа, а доставлена сюда не просто без проволочек, а в рекордно быстрый термин авиационным способом лично агентом Килиманджаро, — Особый Распорядитель Департамента Почтового Надзора при Второй Линии Двенадцатого Имперского Управления действительный статский советник Афонарелов Е.М. (Во мне, Ваше Сиятельство, солидности, не в пример г-ну Афонарелову, поменьше будет и потому рискну предположить, что бойкая дамочка в этом месте попросту шутит, избобрегая наш родной кукиш на латинский манер. Оно даже смешной, замечу, получается юмор, если угодно. Однако ж обстоятельства в Европе таковы, что не впопугу, пожалуй, особо веселиться. Труды зовут. С от всего сердца, а не в

фа, все-таки кое-что знаете? Но в таком случае, Ифигения, Вы приближаетесь к метру Месмеру, что я со своей стороны, невзирая на мое новое увлечение, а, может статься, именно вследствие оно, вполне, Фифа, допускаю, хотя и вынуждена оговориться в том смысле, что на сегодняшний день метр Месмер представляет для меня авторитет непревзойденный. Не сердитесь. Он же самец, а это совсем другое. И вот ради всего этого, получается, совершенно необходимо, как это ни прискорбно, препарировать заживо несчастных зверушек и строить на их тоске разумные эксперименты, ибо продвигаться по любой дороге можно, лишь делая шаги — шаг, еще шаг, и так шаг за шагом. И все, что можно тут сказать себе в оправдание, так это то, что пусть же печаль сия великая лягушек с мышами ляжет в основу крепкого фундамента будущей науки о человеке. Пусть!

Не могу удержаться, чтобы еще раз не процитировать тут Якова Платоновича. Как-то раз, навестив меня в лаборатории со своим юным другом титулярным советником Майбородой, мой неподражаемый, глядя на бледность последнего по окончании мною эксперимента, подытожил к месту: "Целесообразие временами являет нам свои уродливые формы, от чего не перестает быть тем, чем есть: рациональным проникновением вглубь непознанного". Боже, Фифа, какой он тоже умница, правда?

Милая наперсница, я сегодня совсем разболталась, а все дело в том, что с утра над Киевом собирается гроза, и мне страшно давит на виски.

У нас теперь при "Паккарде" Якова Платоновича новый шофер. Прежнего, — не помню, Фифочка, попадался ли он вам на глаза, когда Вы у нас гостили, такой атлет тридцати двух лет (пардон за рифму с okazjiей!), — Яков сказал, что рассчитал под Новый год, но мне известно доподлинно другое, — у меня при новом Якова департаменте уже, Фифа, есть глаза и уши, но об этом, дорогая, просто вообще никому, а то выйдет колоссальный конфуз, — а именно, что его арестовали по подозрению в шпионаже, sic! Так вот, новый у нас шофер это такой статный дядька лет пятидесяти, высоченный и жилистый. Покрыт вечным загаром. Этакий, знаете, Ливанский кедр. У него черные, как смоль, усики а-ля Макс Линдер, и косой пробор а-ля он же, а глаза чернющие до вишневости, как у барсука, а ловкий и расторопный, как выдра с ондатрой. Он раньше был охотником в Африке, говорят, на слонов и тигров, а еще он знаменитый авиатор Гермоген Лобазарев. Слыхали? О нем в газетах даже фотогра-

силу служебной необходимости, уважением к Вам и почетом, Ваш протеже поручик Зарында.) (А от себя, товарищ полковник, добавим, что личность агента Килиманджаро нами пока так и не установлена. Добавлял Бодрыкин. Удостоверил капитан Холодец. 22.08.1968 г.)

фии печатали. Я, признаться, помню смутно, но Яков говорит, что он даже через Ла-Манш перелетел и туда, и обратно, а, значит, так оно и есть. И что бы Вы, Фифочка, сейчас себе про меня с Гермогеном ни вообразили, а оно все совсем не так. А на самом деле вот что. Теперь всем этим нашим авиаторам, шоферам и машинистам шьют такую особую одежду — *комбинезон*. Вам слышно, Фифа, как я распевно произношу это в нос: *коммм-би-не-зонннннннн!* Вы такое видели? Ну, конечно же. Вы ведь обо всем всегда узнаете первой, а я в лучшем случае только второй. Есть *комбинезон* и у Гермогена, и не один — Яков Платонович в нем души не чаёт, осыпает подарками. Но, кстати, Фифочка, не думаю, чтобы это что-то серьёзное, нет. Это скорее следует отнести к симпатии по деловым качествам. И это правда. Такого шофера у нас еще не было. Ни здесь, ни в Вене, ни в Берлине с Лондоном, ни даже в Афинах. А так у Якова Платоновича сейчас этот титулярный советник Майборода, кстати, очень приятный, без всяких оговорок, молодой человек по имени Братислав Савельевич. И еще навещает ротмистр Гораздецкий, импозант еще тот. Вы же помните, Яков Платонович всегда питал слабость к офицерам кавалерии. Так что у него, как и положено государеву мужу в его положении, все тут есть под рукой, что необходимо. А у Гермогена есть *комбинезоны*. А надо сказать, что Гермоген Лобазарекhov затеялся нам из нашего "Паккарда" изготовить какое-нибудь чудо техники. Может быть, даже самолет. Это я так шучу, Фифочка. И вот он, Гермоген, каждый вечер у нас в гараже с "Паккардом" нашим в обнимку допоздна, часто за полночь. И когда я иду после экспериментов из флигеля в дом, в гараже свет, и я туда, потому как после экспериментов сразу спать почти невозможно, возбуждение не отпускает. Гермоген он и без того смуглый, как мулат, — правильное, конечно, Фифочка, сказать, как кварталон; меня мои изыски в лаборатории определили в сторону точности физиологической и биологической и всякой такой прочей, кстати, хотите я Вам, как в аптеке, подсчитаю, сколько в Вас какой крови и от кого и на что это влияет в Вашем характере, хотите? тогда пришлите мне Ваше генеалогическое дерево, а еще лучше привезите его с собой, и мы вместе над ним попотеем, — а к ночи Гермоген и вовсе, как негр, потому как весь с головы до ног в машинном масле и в *тавате*, какое слово! да? Его еще называют *солидол*, но это под настроение, далеко не всегда, чтоб резонанс, а вот *тават*, Фифочка, безотказно воздействует на меня вкрадчивой обманной вибрацией всех своих пяти звуков, — *Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т-Т-А-В-О-Т*, — не хуже, чем на кошку валерьяновый настой, да. А на Вас? У машинного масла абсолют-

но черный цвет. Вы, конечно, видели. А запах, как это ни странно, сложносоставной, трепетный — аромат, как если б он служил основой для новых парижских духов от Кобелена. А у тавота цвета разнятся — и розовато-коричневый, и фиолетовый, и со стальной искрой бывает на свету, и с жемчужным проблеском, — а запахом он чуть проще, но тоже бы сгодился для французской парфюмерии. Вам доводилось их нюхать? Не духи, разумеется, а масло с тавотом. Ах, Фифа, приезжайте сюда. Отложите на время в сторону все, что вас в Одессе держит. Мы с Вами предадимся таким уладам, что затмим все наши прежние тайны и приключения, какие случались между нами, когда мы были с Вами помоложе и ничего особо не принимали в расчет.

Кстати, я пришла к выводу, что все эти шоферы и авиаторы выпачкиваются черным и липким вовсе не в результате технической целесобразности, а во имя одного лишь постыдного удовольствия, которое, вывернутое наизнанку, выставляется ими на всеобщее обозрение, как неизбежная превратность их современной профессии. Вот хитрованы! "Лучший способ запрячь — придать иной смысл и выставить напоказ". Это опять же из каждодневных мыслей вслух Якова Платоновича, гениального супруга моего. А я, Фифа, даже статью написала "Техническая грязь как средство сублимации мужской инфантильности", пятьдесят страничек на "Ундервуде", перевела ее на немецкий, — пока, Фифа, переводила, со мною несколько раз случился множественный оргазм, вот Вам крест, ничего не выдумываю, — и отправила ее в прошлом месяце с дипломатической почтой Зигмунду в Вену. Я Вам так до сих пор признательна, что Вы меня с ним тогда свели. Помните, как я сначала приняла его в штыки? Это было в 1908-м году, тридцатого июня, в день падения Тунгусского метеорита. Да и Вы, Фифа, помните, тоже тогда пребывали от него не в восторге. От этих его шуточек в Ваш адрес. Просто Зигмунд был у всех на устах и причитался нам по праву светских леди. Ах, Фифа, мы были с Вами дамами высшего света в сердце Европы. Вы помните?

Мы с Зигмундом на многое, почти на все, смотрим по-разному, но в наших с ним научных и ненаучных спорах для каждого рождается что-то свое, а это и есть то, ради чего, Фифочка, стоит жить и трудиться. Он пока не ответил. Может, обдумывает. Но не станем с Вами забывать, что, каким бы наш замечательный Зигмунд ни был и высоким, и низким, и лысоватым, и волосатым, он все равно остается самцом, а мы с Вами самками. Поживем, увидим.

Я беру у Гермогена его *комбинезон* в обмен на новый, и с ним в охапке спешу к себе в спальню и, облачившись в него, еще не остывший, сразу в постель, белоснежную, отглаженную, благоухающую лесными травами и полевыми цветами, с утопающей периной и взбитыми подушками, — у меня теперь за этим особо следит новая собственной персоной экономка Нунехия Мартирьяновна (вместо Клары Васильевны), — и ну моститься там, вздыхать да потягиваться, а наряд сей мне местами велик, а местами впору, и пока я все мощусь да ко сну себя принаравливаю, как прильнет он вдруг к телу то там, то тут, так хоть верещи, хоть кукарекай, а не передать полноты чувств таких, что непонятно, откуда, их избытка не выразить; изнываю, ерзаю, аж пока не усну, истомившись. И сплю сладко, со слюною.

Дорогая Ифигения, Вы действительно считаете меня порочной особой или это моя мнительность во мне говорит?

Денег Гермогену я не даю. Убедена, его бы оскорбило. Зато покупаю ему дорогой, который блестит, инструмент и пахучую смазку в скобяной лавке "Дюбинг и Гофф" и в другой, что напротив, "Ферропонт и Сыновья". Уверена, Фифа, Лобазареков дворянин, хотя, быть может, и не из богатых, а к "Паккарду" его приставили, наверное, как офицера из секретного департамента при моем супруге в новом чине и после казуса с прежним шофером Федотом Картавым. Вы его помните? Может стать, я себе все это, конечно, насочиняла, влекомая своими детскими нераспознанными страхами и упованиями, теми, что, отвергнутые, зачехлили где-нибудь в моем организме, а нынче норовят показать мне, где раки зимуют. Между прочим, помимо прочего, в своей статье о мужском инфантилизме и машинной смазке я, Фифочка, указываю на такой очевидный факт, что даже удивительно, что никто прежде меня на него не обратил научного внимания. А именно: современные машинисты, под которыми я разумею всех, кто собственноручно копаются в разных машинах и моторах, в момент угрозы инстинктивно норовят прежде всего вывести из-под опасности механизм, а потом только людей, что рядом. Объясняю я это тем, что в моторы машинисты вкладывают свои силы и свою душу, а что им люди, кто они им? Разве что только это не их собственные дети, к которым они тоже приложили свои старания. И мой вывод, что автомобиль нужно водить самому, если хочешь быть цел и невредим, а не доверять это механически ориентированному индивидууму. Вам понятна моя мысль, Фифа? Или же она пока что чересчур передовая? Но Вы ведь, душа моя, самый умный, самый эмансипированный

человек из всех, кого я знаю. Очень надеюсь, что Вам, милый друг, все и так понятно. Да, и думаю, в мою теорию целиком укладывается та несуразность, которая, собственно, и привела к гибели эрцгерцога и его супруги. Вы же знаете, Фифочка, да? что шофер свернул не туда и в результате поехал по улице Франца-Иосифа вверх, а не вниз налево, ну, и, ясно, застрял. В толпе-то, в гору-то. А, может, ему велели стать наконец, как сообразили, что не туда. Там же были неглупые, решительные люди в автомобиле с эрцгерцогом — граф Гаррах, Вы же его помните? и генерал Поттиорек. Фифочка, Ваш Эпиктет Леандрович тоже, конечно, я понимаю, все важные новости узнает не последним, так что Вы уж меня простите великодушно, если я Вам тут зря всем этим голову морочу, но я вот что хочу сказать: в действиях шофера можно отыскать явные признаки заботы о сохранности автомобиля в большей степени, чем об эрцгерцоге с супругой. Вы меня понимаете? А дело в том, что когда кортеж катил еще по набережной вдоль Милячки, в них уже швырнули бомбу, представляете? но она отскочила от свернутой крыши позади эрцгерцога, упала на дорогу и взорвалась уже под колесами следующего авто. Но несколько осколков в автомобиль эрцгерцога все же угодило, вот Лойка, помните его? шофер-красавец в кожаном реглане, и припустил на полной скорости туда, где не бомбы метают, а всего лишь палат из револьверов. Вы меня понимаете?

Не сердитесь. Я, пожалуй, дорогая Фифа, буду на сегодня закругляться. Так ничего толком Вам о себе и не рассказала. Но Вы же сами знаете, как легко нам с Вами всегда откровенничать с глазу на глаз, и как бывает затруднительно изложить что-нибудь в послании к дорогому человеку. Мы с Яковом Платоновичем сегодня все утро за хлебцами с кофеем только и говорили, что о несчастье в Сараево. Я, грешным делом, думала, у нас у одних в России такой кавардак. Я, разумеется, про Александра II, как ему бомбу под ноги, как его на куски сердешного. Так и то ведь, думалось, рассосалось и больше не повторится. Навсегда останется в прошлом веке. Но потом, увы, Столыпин, великомученик. А теперь вот еще и Франц-Фердинанд со своей Софи ненаглядной. Честное слово, слезы сами капают. А ведь я, как и Вы, не из плаксивых. Вот так, милая Фифа, изменяется теперь наша жизнь. Скоро, жутко, несмысленно. Помните, когда наступал новый, нынешний век, предрекали ему, каков он будет, и многие сходились на том, что быть ему скорым и бездушным, исполненным металла и электричества, в противовес сердечности и неторопливости века предыдущего. Помните? Честно

сказать, что до меня, так я не склонна, сломя голову, без оглядки полагать прошлый век таким уж сплошь и рядом сердечным и романтическим. А Вы, Фифа? Мы с Вами об этом никогда прежде не толковали. Да оно и понятно. А бедолага Франц-Фердинанд столько лет ждал этого престола, так готовил себя, — и армию инспектировал, и проекты строил, — и вот дождался.

И что же? И как дальше-то? Хотите знать мое мнение, так это, милая, война*. Да, Фифа, война на всю Европу**. А что тут еще думать. Ничего другого не придумашь.

Передавайте, Фифа, привет Эпиктету Леандровичу. Как он там? Все такой же веселый?

Кстати, а Вы читали, Фифочка, "Tagebuch meiner Reise um die Erde" пера собственноручно Франца-Фердинанда Венского издания конца прошлого века о его большом кругосветном путешествии в девяносто втором году? Обязательно прочтите. Теперь там многое покажется пророческим. И станет грустно.

Прижимаюсь к Вам тесно и целую Ваши нежные пальчики.

До свидания.

Ваша верная и единственная подруга

Дора Милонеги

* Поелику г-н Афонарелов Еремей Маркович в присутственном месте уже отсутствует, на утомление сославшись, — да оно, Ваше превосходительство, в общем-то, и понятно, ибо за окном невроку юлианское 18-е, пять утра, а в Европу, стало быть, пришел июль, и вот же парадокс: мы живем по юлианскому, а у нас июнь, а они по григорианскому, а у них уже июль, смех, да и только! — и, судя по всему, сегодня уже ничего присовокуплять к своим донесениям не станет по причине опочивания в дому, рискну, Ваше превосходительство, обратить Ваше сиятельное внимание на то, что я бы преподнес как вопиющую осведомленность г-жи Милонеги по некоторым вопросам, которые, как я еще раз рискну предположить, не должны иметь к ней прямого касательства. Ваше Сиятельство Харисанф Харисимович, ну разве ж это дело, что все, подчеркиваю, абсолютно все детали Сараевского покушения я впервые узнаю из письма этой дамы?! А я, между прочим, офицер контрразведки, а не рыбой торгую, и, согласитесь, не бестолковый какой-нибудь, а, напротив, подающий Вам большие надежды. Ведь не дадите соврать, ведь так? Ну, и в какие ж это извините тогда ворота? Откуда ж ей в самом деле такое, даже страшно подумать, известно уже доподлинно, а не понаслышке? Вам, князь, решать, Вы и решайте, а мое дело подмечать и докладывать, чему и рад стараться в любое время дня и ночи. Преданный Вам Ваш протеже поручик Зарында.

P.S. И еще одно. Я тут прикинул и по всему выходит, что написать от руки своим почерком такого объема депешу в течение светового дня возможным не представляется. А это означает только одно, что подлинные детали Сараевского убийства были известны г-же Милонеги прежде даты в письме проставленной, либо в сам день покушения, 15-го, либо, самое позднее, поутру 16-го, а у них в Европе 29-го июня. А это ж каким источником объяснить надобно! Не мое дело. Мне спать пора.

** Тов. подполковнику Междузвездову. Товарищ полковник! Совершенно согласен тут с

**Имперскому
Иностранной Канцелярии Советнику 3-го класса
Его Превосходительству**

Йюргену Хуго фон Дюбингоффу

(Санкт-Петербург, 17-е у нас, а у вас 30-е июня 1914 года)

Господин Дюбингофф!

После стольких лет гробового молчания получить от Вас неожиданно-негаданно весточку грому с молнией подобно среди ясного синего неба над белыми березами где-нибудь под Рязанью. Ах, какие там перепела!

Той суммы, что Вы прилагаете к письму, крайне недостаточно. Ее не хватит ни на то, чтобы покрыть Ваш карточный долг, ни тем более на то, чтобы предупредить генералитет. Да какой к чертям собачьим генералитет?! Этих денег не хватит даже на то, чтобы поставить в известность о чем Вы просите даже одного-единственного какого-нибудь паршивенького флигель-адъютанта в чине полковника... А об императоре уж и речи нет.

Что ж Вы так?

Присылайте, любезный, денег и побольше. Поглядим, чем можно порадовать, поспособствовать по старой, как говорится, дружбе. И уж, коль заладили всю эту канитель, так не тяните резину. А то, не ровен час, станет-

этим их поручиком. Он, видать, не такой дурак, каким кажется в свете своих неустановленных моральных наклонностей. Но хочу добавить, что мы с капитаном Холодцом провели следственный эксперимент, и у нас ничего не получилось. Потому смело утверждаем, что за двое с небольшим суток, которые предположительно могли оказаться в распоряжении гражданки Милонеги Н.Т., а это по максимуму, это в том случае, если все подробности ей стали известны буквально пару часов спустя после покушения, так вот за предположительно-максимальные пятьдесят четыре часа от пяти пополудни 28-го, но это с натяжкой, надо бы считать хотя бы от 19.00, ну, да ладно, и до 23.00 30-го июня, когда в Почтовом Надзоре Второй Линии 12-го Управления в Санкт-Петербурге перлюстрация была получена, о чем имеется запись в приходном журнале, а журнал у нас в архиве, самолично проверял с Хотубейкой, так и отсюда ж еще надо отнять, ну, хотя бы часа три, а на самом деле все десять! на перелет из Киева по тем временам в Санкт-Петербург, и это притом, если на саму перлюстрацию вообще никакого времени не учитывать, так все равно выходит, как ни крути, не больше двух суток, а человек, будь то хоть женщина, двое суток кряду строчить письмо тоже не может, сон требуется, мы с Холодцом проверяли и на себе, и на уборщицах, хотя б по пять часов сна вынь да положь, да и то башка никакая, а мы ж не сочиняли, мы ж просто мучались под диктовку; короче, остается часов тридцать-тридцать пять, а за это время написать письмо такого объема, сыскать к нему конверт с маркой да отправить по почте, докладываем, товарищ полковник, не является возможным ни при каких обстоятельствах. Так что с этим письмом абсолютно пока ничего неясно. Это загадка какая-то. А о Лебедице, о котором вы спрашивали, о нем тоже в письме пока ничего. Убедился и доложил старший лейтенант Бодрыкин А.К. Подтвердил убеждение капитан Холодец П.М. (25-е августа 1968 года).

ся и момент прозевать и капиталец профукать. Такая моя Вам от моих щедрот опиния по секреции*.

Рад был снова услышать о Вас, хоть и от Вас.

Честь имею,

Свиты Его Величества генерал-майор Жерново

**Имперскому
Иностранной Канцелярии Советнику 3-го класса
Его Превосходительству
Йюргену Хуго фон Дюбингоффу**

(Санкт-Петербург, наше 18-е, а ваше уже 1-е июля 1914 года)

Перво-наперво, какая нелегкая занесла тебя, милый хер, в добрый купеческий, однако ж с устоявшимися войсковыми традициями, славный город Ганновер? А, мин херц? Это раз. На второе: присланной суммы, разумею, может, если очень потщиться, хватить разве на то, чтобы перекрыть одну, скажем так, пятую часть давешнего карточного долга, что ты соизволил себе допустить в девятисотом, тут ты верно пишешь, в последний год девятнадцатого века, — и кстати, спорят до сей поры, был ли он последним старого или первым годом нового века, двадцатого, — действительно, в марте под Вышним Волочком, тут ты в памяти своей аккуратен,

* Полагаем, здесь следует понимать — "мнение по секрету". Спешим обратить внимание Вашего Сиятельства на то, что по всему выходит, что Жерново неизвестными нам пока путями проник в тайну переписки Дюбингоффа с полковником Чудомыселем, потому как пока только там, и нигде больше, встречается это характерное для Дюбингоффа слово *опиния*. Либо же следует предположить, что в упомянутом 1899-м Дюбингофф и Жерново сошлись за шгоссом куда как ближе, чем нам известно по долгу службы. (Экспликат сочинил собственноручно 18-го юлианского июня пополудни Особый Распорядитель Департамента Почтового Надзора при Второй Линии Двенадцатого Имперского Управления действительный статский советник Афонарелов Е.М.). (Спешу присовокупить, Ваше Сиятельство, что для полного понимания подтекстов данной переписки крайне необходимо отдавать себе отчет в том, что Свиты Его Величества генерал-майор Жерново Платон Елеазарович обдуманно использует выражение "по секреции" не всерьез, а выказывая иронию в отношении падкости фон Дюбингоффа до всяких европейских словечек. Без такого разумения вряд ли можно охватить целиком смысл представленного. И да будет мне позволено заметить, что по меньшей мере странным видится тут тот факт, что особый Распорядитель Афонарелов Е.М. игнорирует это обстоятельство, не указав на него в своем экспликате, в то время, как всемерно привлекать благосклонный интерес Вашего Сиятельства к подобного рода нюансам, зарытым, можно сказать, в самой структуре человеческого общения в целом и его письменной стороны в частности, является первейшим долгом всего нашего Департамента и персонально его Распорядителя, кому Сам Бог велел подавать рьяности служебной личный пример нижестоящим, а то, боюсь, знаете, вскрывать чужие конверты и перлюстрировать их вразумительным почерком может, согласитесь, Ваше Сиятельство, любая барышня-первогодок из Смольного института благородных девиц, а то и вообще попросту всяк, кто грамоте обучен. Не знаю, право, что и думать. Искренне Ваш, Ваш протеже поручик Зарында).

только резались мы не в пульку, друг, шалишь, а в мантильку в "шотландочку". Потому и сумма-то состоялась под небеса, а как же. Так что немедленно вноси в мемуары должную поправочку, не ершись. Это два.

Ежели приведенные здесь расчеты совпадают в общем и целом с твоим пониманием непростой ситуации, которую мы имеем на Европейском театре, то, брат, шли недостающее на самых резвых почтовых. Тогда и разговор. Это три.

А четыре это — какого ляда ты, Хуго, чтоб тебе икнулось! подразумеваешь, пиша "невзирая ни на что, как в добром, так и в худом смысле этого слова"?! Сколько эту фразу ни крути да ни примеряй, сам попробуй, коли не веришь, по всему получается, что словом-то этим самым выходит собственно "что". Это ж как тебя, Юрген, понимать прикажешь? Это что ж, шифр какой? Код? Так я их знать не знаю. И знать не хочу. А если ты тут ваньку валять надумал касательно того, что мол, русский тебе не родной или еще чего, так заруби себе на своем горбатом носу, что нам тут доподлинно известно, сам ведь рассказывал, что языки тебе сызмальства давались без труда, и потому на мякине нас не проведешь, и не надейся. А немедленно снесись со мною, что там такого в этом "что". А не то мы с тобой знаться впредь не пожелаем. Понимай, как хочешь, в любом смысле любого слова, какой тебе только заблагорассудится. Это, пожалуй, уже не только четыре, но еще и пять, и шесть. Никак не меньше.

А теперь, в-седьмых. Вот что я тебе скажу. Не твоего германского ума дело составлять себе мнение о том, есть ли у нас умные офицеры али нету, при штабе ли они али во чистом полюшке. Более того, положение дел такого свойства во все времена, а при нынешних обстоятельствах тем паче, это большая, огромная, неохватная, грандиозная военная тайна, и ты, Юрген, в нее не лезь. Как приятель приятелю, как соратник соратнику, как кредитор должнику, не рекомендую! Понял? Это семь.

А я со своей стороны, разумеется, позабочусь, чтоб оно как-то обязательно все шло умом, а не иначе, не дожидаясь ни твоих денег, на которые очень надеюсь, ни чьего бы то ни было соизволения, в коем уже давно, почитай, что с Русско-Японской, с Порт-Артура не нуждаюсь боле. Ибо на карту поставлены мои честь и достоинство офицера и патриота.

Так что давай, Юрген.

Жду.

Остаюсь симпатизирующим тебе, мерзавцу, простодушным балагуром,

Генерал-адъютантом Мерзопакковым

P.S. Кстати, о мемуарах. Рекомендую заглавие: "Шпион на службе трех корон". Даже в рифму. Если употребишь, прикинь мой гонорарец.

**Имперскому
Иностранной Канцелярии Советнику 3-го класса
Его Превосходительству
Йюргену Хуго фон Дюбингоффу**

(Санкт-Петербург, 19-е июня на наш лад,
а по Вашему, по-григориански, 2-е июля, 1914 года)

Дорогой Хуго!

Не пересказать в словах одного письма все те чувства, которые охватили меня, когда после стольких лет (и каких лет!) получаю опять от Вас объемистую депешу. Не пересказать. Вот и не будем.

Сразу о том, что откладывать при любых обстоятельствах, даже таких, какие сегодня составились в Европе, негоже и все тут.

Милостивый государь! Я терпеть не могу и никому не позволю, когда меня гнусно шантажируют. Ясно Вам это, бретер Вы несчастный, бюргер возмнивший?! Так и подмывает меня звать Вас в гости, а после кликнуть молодцов, чтоб выпороли Вас на конюшне. Или Вы что, сукин Вы кот, желаете, может статься, сатисфакции?! Так прошу, милорд. Мы всегда всенепременно в любую погоду на любом оружии готовы, даром что родственники.

Требую немедленно же объясниться!

Флигель-адъютант полковник Чудомысль

P.S. От Шарлотты Гвендолиночке тоже приветец.

**Капитану Холодцу, ст. л-нту Бодрыкину
(служебная записка № 17/37)**

(Москва, "База", каземат 504, 26-е августа 1968 года)

Вы там, два бугая, чем занимаетесь?

Вам что, погоны ваши надоели, звезды на них гнетут? Так мы поубавим.

Что это за "сношается" и "в жопу без мыла"?! Вы служебный доклад составляете или филькину грамоту? Так и там скажу, даже в филькиной, следует слова подбирать настороже, а не расхристанно, как вы тут, на всю ивановскую. Тот факт, что, согласно толковому (а не бестолковому!) словарю, *сношение* означает, помимо полового акта с совокуплением, еще и обычные человеческие связи, простое, например, дипломатическое общение между людьми, еще не означает, товарищи пока капитан со старшим пока лейтенантом, что вы можете, как вам взбрендит, производить из такого слова себе глагол и щеголять им на страницах секретного документа. Кто у нас, едрить вас в корень, филфаки заканчивал?! Вы, маменьки-

ны с папенькиными два долбаёба, или я, трижды резанный белофиннами и контуженный уже в Праге после Берлина?! А потом еще и в Маньчжурии. Вот то-то и оно. У нас так всегда, как я погляжу. У одних дипломы, а у других голова на плечах.

И что это еще за опыты на уборщицах?! Кто санкционировал? Совсем охренели! Вы хоть отдаете себе отчет, как далеко это может завести?! Вы ж не где-нибудь, а на службе. На скрытой от любопытных глаз, да, очень важной, очень особой, да, крайне почетной и все такое службе! А не в лесном пансионате среди медведей (и медведиц), где можно, казалось бы, вытворять все, что вздумается, нет. Каземат, куда я Вас определил для проведения поиска по без номера *ДЕЛУ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ*, и впрямь расположен на отшибе наших кипучих интересов, а по себе, увы, знаю, что тишина и самопредоставленность воздействуют на советского человека разлагающе. А что делать? Ответ на этот вопрос, мои юные друзья, пока что не найден. Но тем-то офицер и отличается, господа, в смысле, товарищи, от обычного смертного, что он крепко бит и срочно обучен, проверен по-всякому и закален через докрасна добела, и потому не имеет он права давать слабину на ровном месте, а на кривом и тем паче! Так что, хлопцы, не вздумайте там употреблять на ниве документального сыска. Потому как, если что, сопьешься в том каземате дней за восемь, максимум за двенадцать, и таких белых горячек, какие там случаются, мне прежде наблюдать не доводилось, а я, ребята, поверьте старику, в силу специфики прежних своих назначений столько на веку перевидал делириумов с их тременсами, что, если б не моя боевая закалка, давно б уже и сам в рот ни капли б не брал. А так ничего, бог милует. Но там, где Вы сейчас, ни-ни, не моги. Обратимся пусть и вскользь, к краткой истории вопроса. Говорят, этот домик в лесу со всеми своими бесконечными подвалами построен еще Петром, а то и самим Иваном Грозным. Как по мне, так это чушь собачья! Опять же, кто такое утверждает, и в реляциях с умыслом и на словах сдуру, вряд ли хотя б в малейшей степени осведомлен о подземном обустройстве этого твердокаменного убежища. Как бы там ни было, но по себе опять же знаю, что над всяким, кто отправлен в архив с поручением не на день, на два, а в долгосрочный, как Вы, пацаны, поиск, довлеет существенная опасность стать жертвой обаяния стиля той эпохи, подпасть, как бы между делом, под магнетизм манеры изложения мыслей гражданами той, не нашей с Вами, поры. Говорю заранее, не советую. Хлопот потом, по возвращении, не оберетесь. Излагайте мысли так, как Вас в армии научили. А чуждый стиль рухнувших времен нам без надобности. У со-

ветских собственная гордость! И поймите, олухи, что раньше туда расчеты в поиск снаряжались и готовились так, будто в боевой дозор, так, словно за линию фронта, а не в укомный филиал родной Базы. То действовала инструкция 10/Щ. А потом ее отменили и издали нынешнюю Л-112, запрещающую категорически все прежние параграфы. А коль даже после нашей тогдашней подготовки, многие все же мои товарищи по поиску с ума все-таки взяли да спятили и сгинули по психушкам, так чего уж от Вас ждать, мальчики дорогие? Голы Вы, сынки, факт, как соколы, и слепы, как филины средь бела дня, перед тем архивом...

Переведа дух на верхней ступени архивной лестницы под тяжелыми сводами, мы вынуждены были допустить одну внятную мысль, которую вот уже дважды или трижды, читая служебную записку за подписью Междузвезда, знали от себя прочь. Теперь же нам не оставалось ничего иного, как, взяв себя в руки, признать без обиняков, с научной беспристрастностью тот факт, что мы, пожалуй, находимся под теми самыми сводами почти вплотную, через один стеллаж, к той самой двери с оловянными на ней цифрами 909 и тремя над ними, в мелкой шашельной трухе, отверстиями от некогда вкрученных, а после вывернутых шурупов.

Прежде, чем обнаружить розовый сундук, мы частенько в поисках доказательств нашей смелой гипотезы о Миклухо-Маклае сновали мимо этой двери вдоль стеллажей и полки и не раз, и не два замедляли тут шаг, потому как, несмотря на то, что вид у двери был, как бы выразиться, не жилой, но воображению представлялось, что там, за нею, под покровом экстраперзасекреченности внутри и без того высочайшей секретности скрываются замурованные тайны и происходит что-то весьма любопытное, тем более что временами за нею чудились неясные шорохи и голоса.

Теперь же по странному стечению обстоятельств читаем в обнаруженном документе о той самой точке пространства, где застигла нас неожиданная находка. Вот и с той даты, когда подполковник разразился служебной запиской, до сего дня, когда мы, вопреки всем своим намерениям, погрязли в сундуке, тоже уже минуло более тридцати лет. От всех этих скачков во времени, признаться, дух захватывает. Может, следует встать да пройтись? Но читаем дальше. И слова подполковника помогают тут и сейчас так же, как давным-давно, наверное, тем двоим, преодолеть вязкость момента и вполне прийти в себя...

...Теперь о письме Милонегги, — *пишет дальше подполковник*. — Поручик тот у себя в 1914-м, — *пишет он*, — возмущен объемом письма попросу потому, что он лентяй от рождения, хотя и не бездарный, а вы же, аналитики хреновы, потому что у вас ни мозгов, ни воспитания. Запоминать! В образованном слое царской России обильное эпистолярное общение это правило хорошего тона, то есть, совершенно необходимо для поддержания своего реноме. В парадигме воззрений той поры послание г-жи Милонегги не большое и не маленькое, а просто обычное. На осведомленность же сей мадам по некоторым вопросам, ну, безусловно следует, само собой, обратить внимание. Только без надрыва, а по-деловому. Кропотливым образом. А узнаю, что водку, дурни, пьете, вот увидите, в тот же день десантирую обоих в Чехословакию под пули буржуазных националистов.

Давайте, молодцы, работайте, как следует, а не как прежде.

За полученные мною от Вас сводки объявляю Вам благодарность!!!

И чтоб Лебединеца мне из-под земли обнаружили, а не то я вас все равно десантирую.

Ваш заместитель начальника спецотдела географического резервирования
особой Комиссии по слежению за кометой Галлея
при Комитете Государственного Базирования
подполковник Междузвезд

P.S. И прекратите, сукины дети, обращаться ко мне "Товарищ полковник!". Меня этим не возьмешь. Я подполковник. Вот уже лет двадцать как подполковник, а все потому, что ни к кому без мыла в душу никогда не норовил. И нисколько об этом не жалею. И нисколько от этого не страдаю.

